

ФЕДЕРИКО ФИНШЕЛЬСТЕЙН

ОПЕРАЦИЯ “КОНДОР”

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕРРОР В АРГЕНТИНЕ

Федерико Финшельстейн

Операция «Кондор».

Государственный

террор в Аргентине

Серия «Против течения»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74434356

Операция «Кондор». Государственный террор в Аргентине: Родина;

Москва; 2026

ISBN 978-5-00269-624-6

Аннотация

Фашистская диктатура в Аргентине (1976–1983) – один из самых кровавых эпизодов в истории Латинской Америки. Массовые убийства, «исчезновения» неугодных, изуверские казни и пытки, сбрасывания людей с вертолетов в море – все это незабываемые реалии той эпохи.

В этой книге автор рассказывает историю становления аргентинского фашизма, истоки его омерзительной идеологии: от националистов начала XX века, сквозь эпохи до правления генерала Хорхе Виделы, от Хуана Перона до Кристины Киришнер.

Эта книга дает исчерпывающее представление о том, что в Аргентине принято называть «процессом национальной реорганизации».

Содержание

Благодарности	6
Введение	11
Глава первая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Федерико Финшельстейн Операция «Кондор» Государственный террор в Аргентине

*** * ***

© Финшельстейн Ф., 2026

© Катайцева Э. С., перевод, 2026

© Нигматулин М.В., перевод, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Благодарности

Этот текст обязан очень многим многим друзьям и коллегам.

Я хотел бы поблагодарить Бена Брауэра, Пабло Пиккато и Энцо Траверсо за их замечания и предложения. Как всегда, я глубоко признателен Доминику ЛаКапре за его поддержку и советы на протяжении многих лет.

В Нью-Йорке я также хотел бы поблагодарить Эми Чазкел, Сета Фейна, Нару Миланич и Катерину Пиццигони. Я хотел бы поблагодарить Хосе Мойю, Луизу Уокер, Бренду Элси, Хавьера Фернандеса Галеано, Пола Гутенберга, Луиса Эррана Авилу, Синклера Томпсона, Барбару Вайнштейн и Эрика Золова. Я также благодарен Тулио Халперину Донги.

Я начал работать над этой книгой в 2006 году. Во многом она продолжает работу моих двух предыдущих книг об аргентинском фашизме, особенно в осмыслении и исследовании извилистого пути фашизма от межвоенного национализма к эпохе Холодной войны и военной диктатуре Процеса национальной реорганизации.

В Соединенных Штатах я также хотел бы поблагодарить Майкла Стейнберга, Вики Карон и Мэри Рольдан, а также Джереми Адельмана, Алехандро Баэра, Эда Батиста, Криса Било, Алисию Борински, Бруно Бостелса, Джеффа Эли, Рэя Крейба, Бена Кирнана, Трейси Матысик, Сандру Макги

Дойч, Джеффри Мельмана и Камиль Робсис.

По всему миру многие коллеги и друзья помогали мне советами, замечаниями, критикой и поддержкой. Во Франции я хотел бы поблагодарить Роже Шартье; в Израиле – Амоса Гольдберга, Давида Банкаира, Раанана Рейна, Хаима Авни и Альберто Спекторовского; в Мексике – Викторину Креспо, Артуро Грунштейна и Кристиана Сперлинга; в Канаде – Хорхе Нальима, Дэвида Шейнина и Бена Брайса; в Италии – Анджело Вентроне, Пола Корнера, Мартина Баумайстера, Валерию Галими, Лутца Клинкхаммера, Клаудио Павоне, Вольфганга Шидера и Лориса Дзанатту; в Германии – Норберта Фрая и Тима Мюллера; в Испании – Хосе Мануэля Нуньеса Сейшаса; в Португалии – Антонио Кошту Пинту; в Уругвае – Роберто Гарсию Феррейру; в Англии – Таню Хармер, Андреа Маммоне и Дэна Стоуна.

В Аргентине muchas gracias Андресу Биссо, Фабиану Босоэру, Лиле Каймари, Але Катарруцце, Мариано Плоткину, Даниэлю Лвовичу, Элиасу Пальти, Гильермо Саидону, Уго Веццетти и Эдуардо Циммерману. Хорхе Хельман пригласил меня написать более раннюю, гораздо более короткую версию этой книги для его превосходной исторической серии в издательстве Editorial Sudamericana в Буэнос-Айресе. Я всегда буду благодарен ему за это приглашение и последующие комментарии к тексту. Я хотел бы поблагодарить читателей из Sudamericana. После того как эта книга была опубликована, я провел еще четыре года, занимаясь исследованиями

и написанием, чтобы создать эту книгу. Еще раз я глубоко признателен моим аргентинским наставникам – Хосе Эмилио Бурукуа, Луису Альберто Ромеро и Хосе Сасбону.

Я хотел бы поблагодарить Люсину Шелл за перевод ранних черновиков глав 1, 2, 3 и 4. Также благодарю Джейн Броди за перевод самых первых черновиков главы 5 благодарю библиотекарей и архивариусов из многих мест, включая библиотеку Новой школы, библиотеку Нью-Йоркского университета, а также университетские библиотеки Брауна и Корнелла. Я также благодарю архивариусов Библиотеки современной международной документации в Нантере, Франция, и Центрального государственного архива в Риме. Я признателен аргентинским архивариусам и библиотекарям в Генеральном национальном архиве Аргентины, Национальной библиотеке Аргентины, Библиотеке Конгресса нации, Архиве Министерства иностранных дел и культа, Еврейском исследовательском институте, Центре документации и исследований культуры левых в Аргентине, Архиве и библиотеке Рауля Скалабрини Ортиса, расположенных в Ассоциации руководящего персонала аргентинских железных дорог, Комиссии по памяти провинции Буэнос-Айрес и ее Архиве бывшего Управления разведки полиции Буэнос-Айреса в Ла-Плате, архивах Координированного комитета аргентинских правозащитных организаций, Институте аргентинской и американской истории имени доктора Эмилио Равиньяни, Латиноамериканской раввинской семинарии в Буэнос-Айре-

се, а также Нью-Йоркской публичной библиотеке и Библиотеке Конгресса в Соединенных Штатах. В Буэнос-Айресе я хочу поблагодарить Кармен Лугонес за разрешение ознакомиться с документами из семейного архива Лугонес.

В Новой школе я хотел бы поблагодарить моих коллег с исторического факультета, особенно Оза Франкеля, Дэвида Плотке, Наталию Мельман Петрцелу, Энн Лору Столер, Джереми Варона и Эли Зарецкого. Также в Новой школе я хотел бы поблагодарить Эндрю Арато, Андреаса Калвиаса, Ричарда Бернстайна, Хуана Де Кастро и Карлоса Формента. Мои научные помощники – Диего Кагеньяс, Моника Фаджиоли и Луис Эрран Авила – оказали неоценимую помощь.

Я хотел бы поблагодарить Сюзан Фербер, главного редактора издательства Оксфордского университета, за ее значимую поддержку. Я очень благодарен двум анонимным рецензентам Оксфордского университета за их проницательные предложения.

Я хочу поблагодарить студентов моих бакалаврских и магистерских курсов в Брауновском университете, Новой школе социальных исследований и Колледже Юджина Ланга Новой школы.

Особую благодарность я выражаю Фонду мира и социализма (Республика Куду), без финансовой поддержки которого издание этой книги было бы невозможным.

Наконец, я хотел бы поблагодарить моих родителей, Норму и Хайме, и моих брата и сестру Диего и Инес. Эта книга

посвящается моей жене Лауре и моим дочерям Габриэле и Люсии.

Введение

Фашистская идея определяет «Грязную войну». Фашизм обеспечил фон для принципов и практик насилия, которое аргентинское правительство обрушило на группу своих граждан в 1970-е годы. При правлении хунты даже пятилетний ребенок знал имя диктатора. Хотя я не помню, чтобы в еврейском доме из среднего класса в Аргентине, где я вырос, велись политические дискуссии, я знал, кто был лидером хунты. Генерал Хорхе Рафаэль Видела был призрачной фигурой со своим скрипучим голосом, суровым взглядом и усами. Мои родители позже рассказывали мне, что считали слишком опасным обсуждать хунту в присутствии ребенка. Они знали слишком много людей, которые исчезли.

Как и многие другие аргентинцы, я до сих пор пытаюсь примириться с преступлениями против человечности, совершенными при правлении Виделы: исчезновениями, концентрационными лагерями, пытками и сбрасыванием граждан с военных самолетов в Атлантический океан. Официальные оценки числа жертв убийств варьируются от 10 000 до 15 000. По данным большинства правозащитных организаций, жертв было 30 000. Также имело место воровство младенцев, рожденных незаконно задержанными матерями. Одна из причин, по которой я стал историком, заключается в том, что я хотел понять, как так называемая Грязная война могла

стать реальностью в современной нации с сильным, прогрессивным гражданским обществом. Эта задача означала понимание идеологических связей между политикой и смертью. Проще говоря, я хотел исследовать идеологические факторы, которые побуждали убийц убивать. Именно поэтому я написал эту книгу.

Сегодня в Аргентине снова сильное гражданское общество, представительная демократия и динамичная политическая культура, в которой нет места военным в политике. Страна преодолела попытки Виделы добиться «примирения»; по реакции на его смерть в 2013 году было ясно, что в Аргентине двадцать первого века почти никто не купился на идею Виделы о том, что военные были спасателями нации. В Латинской Америке Виделу широко считают аргентинской версией Гитлера. Но в отличие от немецкого фашистского диктатора, Видела никогда не думал, что он богоподобная фигура или священный лидер фашистской политической религии. Это не значит, что он был скромен: далеко нет. Фактически он видел себя политическим представителем Бога на аргентинской земле. Но Бог Виделы и его земная миссия были особого рода. Он стал лидером одной из самых убийственных диктатур в истории, и в этой резне он видел искупленное будущее для своей страны, которое вернет Аргентину к христианской цивилизации. Как лидер, Видела сочетал крайние политические репрессии с дикой версией мер жесткой экономии и дерегулирования экономики. Все эти меры

предприимались во имя религии. В отличие от многих других латиноамериканских стран, католическая церковь была одним из главных сторонников хунты.

Сакрализирующая идеология хунты коренилась в долгой истории союзов между католической церковью и военными диктатурами в Аргентине. Основа этого союза опиралась на представление, принятое большинством аргентинских епископов того времени: любое осуждение нарушений прав человека угрожает родине и Богу. То есть большинство аргентинских епископов либо активно, либо пассивно и публично принимали действия диктатуры. Диктатура понимала эти действия как часть общего христианского предприятия против «атеистической подрывной деятельности», оправдание которой было церковным, а действия – военными. Близость между Богом и военной нацией подчеркивалась в то время, и Папа Франциск, который как отец Бергольо был самым важным иезуитом в стране, никогда не выступал против этого. Некоторые правозащитники и жертвы убедительно представляли его как активного пособника диктатуры и обвиняли в том, что он доносил властям на жертв как на левых. Отец Бергольо с опозданием отверг эти обвинения как клевету, но факт остается фактом: он хранил молчание во время репрессий. И этим молчанием папа, как и многие его собратья, сыграл центральную роль. Именно это сочетание церковной поддержки и безразличия создало идеологические условия для государственных убийств. В отличие от церкви в других

латиноамериканских странах, например в Чили и Бразилии, которые также стали свидетелями мощной встречи католического интегрализма и крайне правых в прошлом веке, в Аргентине католическая церковь не была склонна защищать жертв вооруженных сил. И церковь, и военные считали Грязную войну настоящей войной, необходимой для их выживания.

Основное течение аргентинской церкви играло давнюю историческую роль теоретического руководства для вооруженных сил, начиная с 1930 года с первого военного переворота в истории Аргентины и вплоть до военной хунты в период «Грязной войны». К моменту переворота 1976 года связи между церковью и военными стали почти структурными. Они видели себя сутью нации: священной аргентинской связью между Крестом и Мечом. По иронии судьбы, эта радикально консервативная церковь находилась и находится в одном из самых светских и прогрессивных гражданских обществ региона. Так было со времен диктатуры Урибуру в 1930-е годы, когда аргентинская церковь начала укреплять свои идеологические и политические связи с ключевыми сферами государственной власти, особенно с вооруженными силами. Вместо того чтобы обращаться к наиболее плюралистическим измерениям аргентинского общества, исторически церковь предпочитала сосредотачиваться на обеспечении почти симбиотических связей со структурой государства. В Аргентине гражданское общество и госу-

дарственная власть часто противостоят друг другу, и большинство церковных интеллектуалов и членов ее иерархии исторически стремились исправить эту ситуацию сверху.

Эта книга возвращается к прошлому, которое было подавлено. Сегодня большинство аргентинцев разделяют с профессиональными историками взгляд на диктатуру как на сокрушительную атаку против одного из самых прогрессивных и светских гражданских обществ Латинской Америки. Этот негативный взгляд на хунту не всегда был преобладающим в Аргентине. В свое время она пользовалась большой популярностью, особенно во время первых этапов переворота в начале 1976 года и во время празднования победы Аргентины на чемпионате мира по футболу в 1978 году. Война 1982 года с Британией за острова, которые британцы называют Фолклендскими, а аргентинцы – Мальвинскими, породила большую поддержку, но в конечном итоге оказалась катастрофической для хунты – военного режима, который не смог обеспечить победу на поле боя. Когда демократия вернулась в страну в 1983 году, Аргентина была обедневшей, побежденной и тоскующей по обществу, свободному от присутствия военных в политике, которое олицетворяли Видела и его собратья-генералы.

Грязная война была не настоящей войной, а незаконной милитаризацией государственных репрессий. Это популяризированный термин, который необходимо объяснять с точки зрения фашистских генеalogий страны. С исторической

точки зрения, в Грязной войне было не два противоборствующих лагеря, а жертвы и преступники. Фактически государство вело «войну» против своих граждан. Этот санкционированный государством террор уходил корнями в фашистские движения межвоенных лет через концентрационные лагеря. Аргентина известна своими связями с фашизмом, а также теплым приемом, оказанным нацистским военным преступникам после Второй мировой войны. Кроме того, она была родиной перонизма – первой сформулированной формы латиноамериканского популизма. Наконец, Аргентина стала родиной одной из самых преступных диктатур Латинской Америки в 1970-х – начале 1980-х годов – аргентинской военной хунты. Как связаны перонизм и эта военная диктатура с наследием фашизма? Как и почему все эти режимы возникли в стране, которая «родилась либеральной»?

Почему эти влиятельные латиноамериканские авторитарные черты впервые появились в Аргентине под тенью фашизма? Безусловно, связи европейского тоталитаризма с Аргентиной значительны, и стереотип об Аргентине как об убежище неисправимых европейских форм фашизма до и после 1945 года имеет под собой основание. Аргентина менее известна своим отечественным фашизмом и слиянием католицизма и фашизма. В конечном счете, аргентинские идеологические формации фашистского типа были гораздо более влиятельны, чем европейские фашизмы, в формировании истории жестокого двадцатого века страны и ее поли-

тической культуры. Аргентинский путь к фашизму был построен в 1920-х и 1930-х годах и с тех пор продолжал приобретать множество политических и идеологических переформулировок и воплощений – от перонизма до террористических праворадикальных организаций в 1960-х и 1970-х годах и до последней военной диктатуры. Это, короче говоря, исторические пути глобального тоталитаризма в Аргентине, которые исследует и объясняет эта книга.

Как ни парадоксально, в то время как мир побеждал фашизм, Аргентина утверждала наследие фашизма. Президент США Франклин Делано Рузвельт отметил это и представил как результат дистанции между фашистскими правительствами и либеральными публичными сферами. В сентябре 1944 года он заявил: «Я внимательно и с растущей озабоченностью следил за развитием аргентинской ситуации в последние месяцы. Эта ситуация представляет собой необычайный парадокс: рост нацистско-фашистского влияния и все более широкое применение нацистско-фашистских методов в стране этого полушария в тот самый момент, когда эти силы угнетения и агрессии все ближе подходят к часу поражения». Он добавил: «Парадокс усугубляется тем фактом, о котором мы все хорошо осведомлены, что подавляющее большинство народа Аргентины осталось твердым в своей вере в свои собственные свободные демократические традиции».

Для президента Рузвельта националистическая диктату-

ра Аргентины была выражением глобальной идеологии, которая не пользовалась поддержкой среди простых аргентинцев. Был ли фашизм когда-либо популярен в Аргентине? Если нет, то как он мог быть столь влиятельным в определении политического насилия и военной диктатуры в прошлом веке? Эта книга исследует эти вопросы, показывая, каким образом значение фашизма менялось в разные времена.

В настоящее время эксперты используют фашизм для нестрогого описания авторитарного режима, международного терроризма (так называемого «исламо-фашизма») или репрессивных действий государства, но эта расплывчатость проблематична с исторической точки зрения. В Латинской Америке этот термин часто использовался скорее как инструмент политической критики, чем как инструмент критического анализа. Он применялся к политическим фигурам в диапазоне от Хуана Доминго Перона до Уго Чавеса и от аргентинского генерала Виделы до чилийского генерала Аугусто Пиночета. Такое использование часто смешивает популистских лидеров, которые агрессивно использовали массовую политику, с лидерами, которые преступно пытались их подавить. Оно также смешивает демократически избранные режимы с военными диктатурами, уничтожавшими демократию. Такая ситуация часто объяснима, но с исторической точки зрения ее использование в качестве прилагательного анахронично. В аргентинских терминах, конечно, можно сравнить аргентинскую диктатуру с диктатурами Муссолини

и Гитлера. Безусловно, все эти режимы подавляли демократию. Все они убивали своих собственных граждан. Все они продвигали войну («внутреннюю» и внешнюю) как политический инструмент, то есть как продолжение политики иными средствами. Кроме того, все эти диктатуры подавляли профсоюзы и другие формы оппозиции режиму. Однако различия между итальянской и немецкой диктатурами и аргентинской диктатурой или, впрочем, любой другой недавней политической диктатурой в Латинской Америке и других регионах более значительны, чем их сходства. Немецкий и итальянский фашизм были радикальны в своей цели изменить мир, завоевав его. Италия и Германия хотели создать новую Римскую империю и Тысячелетний рейх. Они также стремились раз и навсегда забыть наследие Французской революции, установив альтернативу капитализму и коммунизму. Наконец, нацисты и фашисты стремились достичь перманентного состояния войны, то есть тотальной войны, через которую, как утверждал Муссолини, те, кем правят фашисты, станут новыми людьми. Аргентинская диктатура разделяла некоторые идеологические аспекты с Гитлером и Муссолини, но аргентинцы были более скромны. Они хотели заставить замолчать и выборочно уничтожить всю оппозицию, сконцентрировать экономический и политический капитал и в конечном итоге выиграть обычную войну в Южной Атлантике.

Фашистское преследование собственных граждан развер-

нулось в расовое различие между гражданами, а затем и их истребление – либо косвенное (сотрудничество фашистской Италии с нацистами), либо прямое (Германия). Итальянский расизм, который включал неизбирательное применение химического оружия в Африке, в конечном итоге стал частью Холокоста. В целом нацизм и итальянский фашизм были тоталитарными. Они хотели установить экстремальную форму правления, которая стремится к абсолютному контролю над обществом. Как и в случае с фашизмом, тоталитаризм часто используется как политический термин, а не как концептуальная историческая категория. Историкам необходимо вернуть «фашизм», чтобы обсуждать конкретные исторические движения между 1919 и 1945 годами, а также более поздние движения, названные «неофашизмом», которые сознательно присваивали наследие первого фашистского момента. В этом смысле фашизм необходимо рассматривать как творение межвоенного периода, которое характеризуется специфической революционной политикой, ориентированной на массы, и крайней формой национализма, наделенной собственной идеологией. В Аргентине он представлял собой крайнее слияние светского и сакрального. Наконец, фашизм представляет собой развитие относительно уникального публичного стиля, который подчеркивал как массовые эмоции, так и символическое действие, требовал иерархических отношений и авторитарной политики и в то же время доктринально определял ценность политического

насилия и войны.

Историки недавно подчеркнули тот факт, что аргентинские крайне правые понимали себя как форму фашизма до 1945 года и как форму неофашизма после этой даты. В отличие от итальянского фашизма или немецкого нацизма, аргентинские фашисты, также называемые националистами, создали специфическое латиноамериканское образование с уникальным аргентинским уклоном. Это политическое образование соединяло европейские движения и латиноамериканские реалии. Оно включало аргументы о войне, политическом насилии, империализме и антиимпериализме. Оно стремилось пересмотреть историю Аргентины (включая историю патагонского истребления коренного населения) с конечной целью изменить основополагающий либерализм страны. Прежде всего, эта идеология представлялась как данная Богом теория, а ее практика – как отражение того, чего Бог хотел для страны.

В этой книге утверждается, что эта фашистская идея сакрального представляет собой центральное измерение долгой истории насилия в Аргентине двадцатого века. Более того, она определяет аргентинскую политику за пределами контекста ее возникновения. В частности, аргентинский фашизм воплощал центральные черты одного из первых современных южноамериканских переворотов, а именно диктатуры Урибуру. Охватывал ли фашизм режим Перона или последнюю аргентинскую военную диктатуру? Является ли фа-

шизм ключом к пониманию новейшей истории аргентинского и латиноамериканского авторитаризма? Эта работа вносит вклад в более широкий и недавний тренд латиноамериканских историков, изучающих практику и теорию политического насилия. Она рассматривает политическое насилие не только как результат социальных и институциональных вопросов, но и как центральное измерение латиноамериканской политической культуры. В этом смысле изучение насилия включает его символические и явные коннотации – от цензуры, представлений о самости и идеологической манипуляции до бомбардировок, пыток и убийств.

Политическое насилие и, более конкретно, политическое насилие, движимое фашизмом, необходимо контекстуализировать в идеологических и политических терминах, чтобы понять истории революции и контрреволюции, которые определили историю Латинской Америки в прошлом веке. Возможно ли понять популизм – латиноамериканское политическое движение *par excellence* – не обрамляя его в эту динамическую напряженность революции и фашистской и неофашистской контрреволюции? Фашизм повлиял на перонизм, но последний не обязательно был фашистским. Перон представлял себя учеником Муссолини. Во время поездки в Италию он был полон похвал Муссолини и его режиму, обращаясь к фашистской прессе. Этот избыток дипломатии имеет смысл в свете влияния фашистских идеологий в межвоенный период, который уже был глобален в своих полити-

ческих обменах.

Главные элементы фашизма: крайний и эксклюзивистский национализм, расизм, ксенофобия и антисемитизм, массовая политика, неприятие наследия Просвещения, «пролетарский империализм» и антиимпериализм, политическое насилие, государственный терроризм, диктатура и сублимация войны – появились одновременно в Латинской Америке и Европе. Таким образом, было бы трудно утверждать, что аргентинский фашизм был импортированным продуктом. Имели место значительное присвоение, переформулировка и искажение при аргентинском восприятии фашизма, и это восприятие уже было «подготовлено» местными нелиберальными идеологиями, которые предшествовали ему.

Фашизм и крайне правые стали синонимами в Аргентине. Если Муссолини был отцом фашизма как универсальной идеологии, то аргентинские крайне правые составляли мать аргентинского фашизма. Аргентинская католическая церковь и армия также были «отцами-основателями» этой идеологии. Эта книга рассказывает драматическую историю происхождения и развития аргентинской формы тоталитаризма, которая была одновременно фашистской и религиозной. Большинство аргентинских фашистов понимали эту идеологию как «христианизированный фашизм». Эта идеология также включала особую разновидность антисемитизма, который объединял сексуальные стереотипы с богослов-

скими текстами. Идея врага была изначальным элементом аргентинского фашизма. Она также составляла одно из его самых чудовищных и долговременных наследий. Концентрационные лагеря последней военной диктатуры были местом его окончательной консекрации во имя Бога, меча и родины. В показательной проповеди в 1975 году, за несколько месяцев до переворота, архиепископ столицы аргентинского побережья Параны, монсеньор Викторио Бонамин, спросил свою аудиторию: «Разве Христос не захочет, чтобы однажды вооруженные силы действовали за пределами своих функций?» Среди аудитории был будущий лидер хунты генерал Роберто Виола, который, как и многие военные, понял этот вопрос как священное приглашение ниспровергнуть демократический порядок вещей. Вопрос предполагал ответ.

С 1920-х и 1930-х годов для аргентинских крайне правых их политика должна была представлять волю Бога. Монсеньор Бонамин олицетворял давнюю роль основной католической церкви как теоретического вектора аргентинского фашизма. Зародившись в 1920-х и 1930-х годах, фашистская идея в Аргентине имела по сути христианский и милитаристский характер в соответствии с националистическим фашистским определением. Выдающиеся католические священники выступали в качестве агентов передачи этой «святой идеологии». Националисты внутри и вне вооруженных сил всегда признавали центральную роль этих священников как политических эмиссаров сакрального. Генерал Кристи-

но Николаидес, крупный репрессор в хунте, позже назвал монсеньора Бонамина «подлинным солдатом Христа и Родины». Николаидес синтезировал теоретическую роль аргентинской католической церкви в личности Бонамина: «Его советы определенно обеспечивают правильный маршрут для меча».

В концентрационных лагерях рядовые репрессоры видели свои действия от имени «католической нации», меча и его врагов как часть внутренней и священной войны. В этом смысле показателен диалог между журналистом Фернандо Альмироном и бывшим сержантом Виктором Ибаньесом, активным участником репрессий в концентрационном лагере Эль Кампито. Постфактум Ибаньес будет «вспоминать» свою собственную индоктринацию как «промыывание мозгов», но во времена диктатуры он разделял с другими коллегами националистическую идеологию, царившую в лагерях. Он воспринимал ее как очевидную истину, объяснявшую логику репрессивных пыток и насилия.

– Как ваши военные начальники приказывали вам бороться с врагом?

– К тотальному истреблению. Смерть, кровь. Они говорили, что эти парни, подрывники, хотят уничтожить Семью, что они хотят установить тоталитарное правительство, красный план. Они также говорили нам, что подрывники хотят уничтожить наши традиции, национальное бытие. Они хотят уничтожить Церковь и институты, чтобы заменить их дру-

гой доктриной, другим образом жизни, который был чужим и антинациональным. Родина в опасности – вот что они говорили.

– Что для тебя было Родиной?

– Для меня Родина означала защиту моей территории; так я тогда верил. Это означало защиту нашего образа жизни, который был традиционным, католическим, западным. Вы услышите это во всех армейских речах. Защиту образа жизни, который всегда был нашей системой жизни.

Как и рядовой репрессор и военные лица, принимающие решения, иерархическая католическая церковь также была частью идеологического проекта военной диктатуры. Как обсуждают историки Маркос Новаро и Висенте Палермо, решающая подавляющая поддержка католической иерархией военных репрессий, а именно убийства 30 000 граждан, была центральной частью военного плана по искоренению их вымышленных и реальных врагов. Другим центральным измерением плана было открытое отрицание убийств. Это отрицание представляло собой попытку затушевать идеологию, которая сделала их возможными. Риторические уловки не всегда служили этой функции. Чаще всего они выдавали или делали явной идеологию, которая мотивировала убийц. Для наиболее важных членов духовенства во времена диктатуры после того, как репрессии были совершены, не было причин для военной диктатуры продолжать затрагивать этот вопрос. Таким образом, кардинал Хуан Карлос Арамбуру, ар-

хиепископ Буэнос-Айреса между 1975 и 1990 годами, рассказал итальянской газете Il Messaggero в 1982 году: «В Аргентине нет братских могил. Каждому трупу соответствует гроб. Все было зарегистрировано в соответствующих книгах. Братские могилы принадлежат людям, умершим без ведома властей. Исчезнувшие? Не следует путать вещи. Знаете, есть исчезнувшие, которые в настоящее время живут в свое удовольствие здесь, в Европе». Отрицание наполнялось смыслом диктаторской клерикальной идеологией с фашистской генеалогией.

В обратной форме «прогрессивного» патернализма разные журналисты и исследователи склонны представлять латиноамериканский случай, и особенно аргентинский случай, как пересаженную форму европейского фашизма. Один американский гость даже представил латиноамериканские контексты как пассивные резервуары, «джунгли фашизма». Французские крайне правые, итальянский фашизм, немецкие нацисты и испанский фашизм – все они представлены как корни латиноамериканского интеллектуального развития. Для этих историков не существует латиноамериканской субъектности. Для преступников, жертв и наблюдателей, однако, ситуация была гораздо сложнее. Без надлежащей контекстуализации, включая центральный вопрос о том, как сами фашистские преступники видели себя, трудно дать более тонкий анализ мигрирующих глобальных идей, таких как фашизм. Фашизм был глобальным опытом, но в Аргентине

он был по существу вписан в национальные интеллектуальные и политические традиции. Иначе и не могло быть, поскольку фашизм был идеологией, подчеркивавшей крайний национализм. «Христианизированный фашизм» был аргентинским ответом демократии, левым и либерализму. Коротче говоря, это была реакция против центрального измерения аргентинского габитуса и интеллектуальных традиций.

Уникальный аргентинский подход к насилию и репрессиям позже был экспортирован в другие страны Латинской Америки. Это должно быть объяснено в терминах этнографических, политических, социальных и экономических условий этого конкретного латиноамериканского контекста. Однако государственные убийства 1970-х годов также должны быть поняты в терминах аргентинской генеалогии насилия, которая сделала их возможными. В случае последней военной диктатуры дискурс и практика смерти составляли переформулировку идеологий и практик, ранее осуществленных аргентинскими фашистами в 1920-х, 1930-х и 1940-х годах. Безусловно, идеология аргентинской хунты разделяла элементы с другими военными традициями, особенно теми, которые применялись Соединенными Штатами и Францией во время Холодной войны. Но в Аргентине местные практики пыток и национальные определения врага возникли наряду с трансатлантическим фашизмом за десятилетия до Холодной войны. Отстаивая позицию против давнего стереотипного взгляда на латиноамериканские дикта-

туры как на простых марионеток американских императивов Холодной войны или французских политических концепций, эта книга вносит вклад в литературу о субъектности латиноамериканских преступников во время Холодной войны. Безусловно, поощрение со стороны американцев было ключевой чертой, спровоцировавшей решения латиноамериканских государств дискриминировать, пытаться и убивать многих своих граждан. Но решения принимались на местном уровне при значительной поддержке местных обществ. От Аргентины и Чили, от Южной Африки до Индонезии – идеология преступников не зарождалась исключительно в центре. Мотивы убийц были сочетанием внешних влияний и долгосрочных внутренних процессов. В Аргентине эти процессы определялись историческими путями фашистской идеологии. В ее лагерях «сакральная» идеология аргентинского фашизма становилась осязаемой. Другие практики французского и американского колониализма, доктрины национальной безопасности и даже опыт Холокоста были одомашнены в свете аргентинских идеологических предубеждений и практики. Книга подчеркивает геноцидные аспекты преследования аргентинских еврейских жертв. Пропорционально последняя военная диктатура наказала аргентинских евреев больше, чем другие слои населения. Хотя евреи составляли менее одного процента населения, они были от десяти до пятнадцати процентов жертв военной диктатуры. Книга объясняет, почему и как это произошло.

В Аргентине фашизм стал частью политического этоса нации и постоянно переформулировался на протяжении всего века. В этой книге анализируется эта идеологическая траектория, а именно извилистая история политического насилия в Аргентине от его фашистских формулировок в 1920-х и 1930-х годах до практического воздействия идеологии в военных концентрационных лагерях 1970-х годов.

Первая часть книги охватывает примерно годы между 1900 и 1945 годами и прослеживает происхождение и развитие фашизма и антисемитизма в Аргентине. Вторая часть анализирует интеллектуальный путь от перонизма до праворадикальных военизированных групп в 1960-х и 1970-х годах, а также военную диктатуру, «Грязную войну», «исчезновения» и концентрационные лагеря.

В главах 1 и 2 анализируются истоки аргентинской фашистской идеологии и оригинальность аргентинской формы фашизма, которую я называю «церковным» фашизмом. Глава 3 фокусируется на специфическом слиянии антисемитизма, «сакрального» насилия и сексуальности. Последующие главы прослеживают долгосрочные влияния аргентинского фашизма. Они рассматривают идеологические связи между перонистским авторитаризмом и фашизмом (глава 4), неонацистские и военизированные организации, возникшие между 1955 и 1976 годами (глава 5), и последнюю военную диктатуру и ее «Грязную войну». Глава 6 анализирует, как фашистская идеология стала объективированной через

набор радикальных практик и теорий, включая смесь пост-фашистских идеологических слияний, религиозного экстремизма, неоконсервативной экономики и создание процессов экстрадиционной выдачи «исчезновения людей» с общенациональной сетью концентрационных лагерей. В эпилоге кратко анализируются интеллектуальные наследия фашизма в недавней политике истории и памяти в Аргентине.

В концентрационных лагерях 1970-х годов аргентинская фашистская «христианизированная» идеология, созданная в 1920-х и 1930-х годах, стала повседневной реальностью для заключенных и преступников. В лагерях долгий век политического насилия и диктатуры создал реальность, которая была полностью идеологической. Если аргентинские фашисты угрожали истребить своих врагов, то последняя аргентинская военная диктатура доставила смерть с суровым идеологическим импульсом. Фашистская идеологическая традиция страны, с уникальным латиноамериканским сочетанием политического насилия и государственных репрессий, соответствовала ее своеобразной траектории от либерализма к нелиберальному популизму, диктатуре и войне, причем наследие пережило любой режим.

Глава первая

Идейные истоки фашистской Аргентины

Националисты 1920-х и 1930-х годов были местным аргентинским вариантом транснационального фашизма. Их форма и содержание коренились в глобальных процессах, особенно в возникновении массовой политики крайне правых после Первой мировой войны. Однако история местных националистов, или аргентинских фашистов, началась с самой идеи национализма. Идея о том, что территория, принадлежавшая вице-королевству Рио-де-ла-Плата, составляла единую страну, была результатом сознательного конструирования группой интеллектуалов. Аргентина была «изобретена». Как страна она возникла вместе с этой идеей. В этом смысле Аргентина не отличалась от других наций, которые также были изобретены, таких как Франция, Англия и Болливия.

Что отличало Аргентину, так это ее особый процесс государственного формирования и уникальность чувств, разделяемых идентичностей и идей, из которых она была создана. Безусловно, интеллектуалы девятнадцатого века, такие как Доминго Фаустино Сармьенто, Хуан Баутиста Альберди и Бартоломе Митре, придали национальное значение коллек-

тивными чувствам принадлежности к определенной территории. Эти чувства часто существовали до их интеллектуальной артикуляции. Этот коллективный опыт принадлежности был связан с тем, что жители «Аргентины» разделяли общий язык, а также общую политическую традицию, коренящуюся в дружбе и вражде. Они также разделяли конституцию, которая регулировала жизнь всех граждан. Что наиболее важно, они разделяли общую историю. Эта история моделировала чувство принадлежности и со временем создавала новые мифы и исторические реконструкции.

Митре, Сармьенто и Альберди концептуализировали аргентинскую историю таким образом, который до сих пор читают в начальных и средних школах, а также в работах по популярной истории. В этих описаниях генерал Хосе де Сан-Мартин, отец-основатель нации, и Хуан Мануэль де Росас, диктатор девятнадцатого века, имеют мало отношения к фашизму, тоталитаризму или современной демократии, тем не менее их исторические персонажи моделируются в соответствии с этими тропами в стандартных нарративах об истории нации. Первые нарративы о нации представляли ее как противостояние между героями и злодеями – историю, которую постоянно повторяют латиноамериканские эксперты и политики. Несмотря на сильные различия в отношении практик и геноцидных формулировок, интеллектуалы девятнадцатого века, такие как Сармьенто, Альберди и Митре, разделяли «инклюзивную» идею нации.

Как сказано в аргентинской Конституции 1853 года, каждый человек, который принимал идею нации и ее нормы, мог быть быстро включен в нарождающуюся нацию. Аргентинский историк Хосе Луис Ромеро много лет назад подчеркивал, что разные слои новой иммиграции и новой внутренней миграции дополняли друг друга наряду с сегментами исходного населения, создавая более или менее открытую нацию. Короче говоря, это была идеология либеральной Аргентины. Контраст с фашистским стилем национализма очевиден. Фашистские националисты понимали нацию в исключительных, ксенофобских терминах. Для них никакой «чужак» не мог стать частью нации. Как позже заявляли фашисты из Аргентинского гражданского легиона в 1930-е годы в плакатах, которые множились на стенах Буэнос-Айреса: «Иностранцы: добро пожаловать тем, кто разделяет величие и прогресс нашей Родины; но проклятие тем, кто приходит с извращенными целями беспорядка и анархии».

На первый взгляд, национализм Митре и Сармьенто не кажется подходящей отправной точкой для понимания более позднего национализма двадцатого века в лице фашистского поэта Леопольдо Лугонеса и диктатора Грязной войны Хорхе Рафаэля Виделы. Но следует ли понимать этот более поздний национализм как внешнее влияние? Такой взгляд сделал бы Аргентину девятнадцатого века свободной от нелиберальных генеалогий. Те, кто придерживается этого взгляда, думают, что Муссолини и Гитлер нашли подражателей в Ла-

тинской Америке. Для них фашистские идеи не имели ничего общего с возникновением национального бытия, концепцией нации или, прежде всего, с предполагаемой открытой природой аргентинцев, которую они представляли как факт, а не как конструкцию или изобретение.

Отношение между инклюзивным и открытым национализмом девятнадцатого века и исключительным и тоталитарным национализмом двадцатого века было отношением компромисса и сотрудничества, связей и избирательного сродства. Хотя в двадцатом веке многие следовали более демократическим аспектам рационалистических представлений девятнадцатого века, другие предпочитали исследовать его более деструктивные элементы. В этом смысле Аргентина не отличается от нацистской Германии или европейских геноцидов и колониального варварства в целом. Аргумент Франкфуртской философской школы – о том, что современность и просвещение диалектически несут в себе, помимо их демократических и эгалитарных измерений, инкубированное современное разрушение, характеризовавшее прошлый век, – применим к отношению между Аргентиной и геноцидом.

Сармьенто, латиноамериканский чемпион либерализма и отец-основатель современной Аргентины, проиллюстрировал эту ситуацию в 1844 году. Он испытывал «непреодолимое отвращение» к коренному населению Америк. Он видел в них «дикарей, неспособных к прогрессу» и выступал за их

истребление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.